

Станислав САХОНЧИК

Родился 1949 году в Кирове. Закончил медучилище, служил срочную фельдшером в войсках ПВО, после чего подался во Владивостокский мединститут, окончив который стал младшим научным сотрудником. Постепенно осознав свою неуместность в науке, поступил во вспомогательный флот, где провел 6 лет в качестве судового врача на танкерах 31-й бригады судов обеспечения ТОФ. Участник 4 боевых служб, разминирования Красного моря и 16-месячного рейса БТМ «Владимир Колечицкий». Ныне эксперт-эколог государственной экспертизы, проживает в г. Благовещенске Амурской области. Выпустил книгу рассказов «Белая бригада». Болен морской болезнью в неизлечимой форме.

СЛУЧАЙНО ИСПОЛНЯЮЩИЙ...

Был у нас в 36-й бригаде такой славный маленький пароходик — танкер «Россошанск». Раньше он исправно заправлял горючим и водой боевые корабли в море, однако из-за преклонного возраста бегал сейчас только между маяками и дальше бухты Стрелок не высывался. По этой причине в его экипаж списывали моряков, отличившихся на почве безуспешной борьбы с зеленым змием, и командный состав, сидевший «под колпаком» у комбрига за различного рода мелкие и крупные шалости. Этаким плавучий штрафбат. Пару раз он тонул кормой возле пирса вследствие легкой забывчивости мотористов, перекачивавших балласт. Подмоченный главный двигатель требовал переборки, поэтому на трубе уже с полгода висел зеленый брезентовый чехол. Пароход готовили к списанию, командование на него давно махнуло рукой, и пришвартован он был на самом краю пирса, среди ржавых барж, понтонов и всякого плавучего хлама.

Под стать столь незаурядному кораблю был и его капитан — Михеич, легендарная среди флотского люда личность. Кряжистый пожилой мужик с продубленным морскими ветрами лицом, внушающими уважение кулачищами и весьма независимым характером. Ходил всегда в изрядно поношенной капитанской форме с позеленевшими от морской соли

шевронами и здоровенной фуражке американского образца. Он начинал службу еще в войну, юнгой на ленд-лизовских «либерти», был не раз награжден, тонул и горел, образование имел в объеме курсов «двухсоттонников» и заочно окончил мореходку где-то в 1950-х годах. В общем, Михеич «академиев» хоть и не кончал, однако практику имел огромную, был непререкаемым авторитетом среди капитанов-каботажников на всем побережье и весьма скептически относился к высшему комсоставу флота, коих в большинстве своем знавал еще сопливыми курсантами и молодыми лейтенантами. Кроме того, Михеич виртуозно владел ненормативной морской лексикой и мастерски ее применял, невзирая на лица.

Михеича побаивалась даже здоровенная продавщица Люся из гастронома на Малом Улиссе, беспрекословно продававшая ему бутылки водки в любое время и в любом количестве, что было невероятным в ту суровую пору непримиримой горбачевской борьбы с алкоголем. Команда же его хоть и боялась, но пить все равно не бросала. В общем, колоритный Михеич с его критическим складом ума и независимостью в суждениях явно не вписывался в современную действительность, и вопрос о его почетной отставке периодически витал в прокуренном штабном воздухе.

Из наиболее выдающихся личностей на «Россошанске» следует отметить и двух дам, несших службу в качестве буфетчицы и кока. Одна из них, Люба, была якуткой по происхождению и по причине свирепого характера и привычки метко швыряться тарелками носила прозвище «Злой дух Ямбуя», вторая, Катя, была известна в морских кругах как «Бони-М» — из-за выраженного портретного сходства с солисткой этого ансамбля. Девушки красотой не блистали, были незамужними, и хотя от отсутствия мужского внимания не страдали, частенько ссорились на почве неразделенной любви к боцману с применением камбузного инвентаря и крепких выражений. Правда, все заканчивалось взаимными рыданиями друг у дружки на груди и очередным громким подтверждением факта, о том что «все мужики — сволочи».

В описываемое мною время на этом славном судне исполнял обязанности старпома второй помощник Слава, в прошлом аспирант ДВВИМУ, списанный с океанского танкера-

заправщика «Алатырь» по причине недельного загула, произошедшего на почве развода с горячо любимой, но крепко загулявшей женой. Понятная, в общем, житейская ситуация была раздута сверхбдительными (от скуки) офицерами политотдела бригады до уровня общефлотского ЧП и подана под соответствующим соусом комбригу. Тот, не долго думая, рубанул сплеча — лишил Славу визы на год и, вкатив «строгача», отправил штурманца на «Россошанск». Комбриг Завьялов, старый морской волк, опытными штурманами не разбрасывался и увольнять никого и никогда не спешил.

В результате мягкий и интеллигентный Слава теперь терзался угрызениями совести о безвозвратно загубленной молодой жизни и практически не вылезал из своей тесной каюты, предаваясь запойному чтению и философским рассуждениям о смысле бытия. Всем своим видом он являл разительный контраст с экипажем и напоминал юнгу Джима Хокинса в команде пиратской шхуны «Испаньола» из «Острова сокровищ» Стивенсона.

Команда к нему относилась с повышенным вниманием, как к неизлечимо больному, а буфетчица Люба всегда ставила ему самую большую порцию и, скрестив руки на пышной груди, смотрела на него ласковым материнским взглядом. Особенно шокировало экипаж его уставное обращение на «вы» и по фамилии, отчего любой матрос сразу впадал в состояние, близкое к ступору, и долго не мог уяснить суть приказа. Боцману для ясности приходилось делать краткий перевод на общепринятый морской сленг.

Было воскресенье, стояла великолепная солнечная осенняя приморская погода, мелкие волны еле слышно плескались у бортов, отражая в иллюминаторы солнечные зайчики. Над бухтой гомонили чайки, по пирсу, лениво переваливаясь, топали строевым шагом молодые матросы из бригады ракетных катеров, всем своим видом демонстрируя стойкое морское отвращение к пехотной науке. Их более старшие товарищи, наглаженные и начищенные, распространяя запах одеколона, бодрой рысью бежали к автобусной остановке, сжимая заветные увольнительные. На всех судах бригады видны были только вахтенные, вяло прохаживавшиеся возле кормовых флагштоков с повисшими от штиля синими флагами вспомогательного флота.

По зеркальной глади бухты Малый Улисс разливалось состояние благостного спокойствия, в воздухе носился аромат борща и флотских котлет — дело шло к обеду. Кое-где потихоньку ловили с бортов камбалу и бычков, особенно густо обросли удочками борта «Россошанска». Ничто не предвещало бурных событий.

Вдруг на КПП показалась черная адмиральская «Волга» с двумя штабными «уазиками» что немедленно привело всех в состояние тихой паники.

Контр-адмирал Акимчик, начальник аварийно-спасательной службы флота, славился крутым характером, склонностью к крепким выражениям и молниеносным оргвыводам. Любимым его занятием были внезапные проверки судов вспомогательного флота с последующим смакованием подробностей на протяжении нескольких лет — память у него была отменная.

И тут на пути адмиральского кортежа неожиданно явилась фигура Михеича, который, надвинув на нос козырек своей знаменитой фуражки, шустро двигался противолодочным зигзагом к воротам КПП, пребывая в состоянии «радостного изумления». В тот день он, находясь в отпуске, совершенно случайно заглянул к старым приятелям на водолазный катер, где весьма основательно «принял на грудь».

Взвизгнули тормоза, и обалдевшего Михеича тут же окружила толпа блистающих погонами и нашивками штабных офицеров.

В результате короткого, но весьма конструктивного диалога, происходившего на высоких тонах, Михеич был отстранен от должности капитана, а адмирал и штабные были им посланы в пешее эротическое путешествие по всем известному адресу.

Разъяренный Акимчик в сопровождении офицеров направился на «Россошанск», где намеревался учинить полнейший разгром. У трапа его встретил бледный и грустный Слава, тем не менее четко доложивший с присущим ему черным юмором, что он является «СИО капитана» на данном судне и никаких происшествий на его вахте не произошло.

На вопрос удивленно притихшего адмирала, что есть «СИО», Слава вежливо пояснил, что в связи с репрессиями, необоснованно примененными к его личности, обязанности капитана он может исполнять только случайно (отсюда и

«С.И.О.» — случайно исполняющий обязанности), и вообще, он намерен в ближайшее время покинуть ряды доблестного Военно-морского флота, чтобы командовать землечерпалкой на реке Аму-Дарья, о чем якобы имеется договоренность с правительством Узбекской ССР.

Вконец озадаченный адмирал приказал Славе временно исполнять обязанности капитана, прибыть в понедельник в штаб на «капитанский час» и навести, наконец, порядок «в этом военно-морском кабаке», после чего отбыл в глубокой задумчивости, никого более не тронув. Адмирал сам любил нестандартные выходы их любых ситуаций. Личный состав «Россошанска», быстро смотав удочки, в смятении рассосался по каютам, а у Бони-М на камбузе густо зачಾದили подгоревшие котлеты, потушенные боцманом при помощи единственного работающего огнетушителя. Всем было уже явно не до обеда.

После «капитанского часа» окрыленный вновь открывшимися перспективами Слава ретиво взялся за службу, сутками не вылезая из машинного отделения вместе со стармехом и всей машинной командой. Боцман и матросы, бросив пить, яростно драили и красили весь пароход от киля до клотика, камбуз сверкал белизной переборок и начищенными кастрюлями. Люба Злой дух в ослепительно-белой накрахмаленной куртке с непривычно вежливой улыбкой на смуглом скуластом лице разносила тарелки в кают-компании и училась нормальному русскому разговорному языку по школьным учебникам. Посвежевшая Катя Бони-М собралась в очередной раз замуж за боцмана.

Михеича с подобающими рангу почестями отправили на пенсию, хотя периодически он подменял других капитанов еще несколько лет и был почетным гостем на всех судах бригады. С адмиралом они быстро помирились, так как выяснилось, что в 1962 году старпом Михеич на паровом буксире МБ-16 стаскивал с камней у острова Итуруп тральщик старшего лейтенанта Акимчика.

Через месяц блистающий свежей краской «Россошанск» после осмотра морской инспекцией, радостно взыв сиреной и выбрав якоря, парадным ходом отошел от пирса и отправился на нефтебазу бункероваться топливом и проходить ходовые испытания. На правом крыле мостика отсвечивал но-

венькими капитанскими шевронами элегантный и невозмутимый Слава в тщательно подогнанной форме, фуражке с кремовым чехлом не по сезону и с совершенно ненужным, но очень красивым биноклем на груди. На всех судах бригады свободный от вахты народ выражал сдержанное одобрение в соответствующих случаю выражениях и телодвижениях, а капитан дежурного пожарного катера ПЖК-31 даже отсалютовал флагом.

Кличка «СИО» приклеилась к Славе навсегда, само выражение стало на флоте нарицательным, а историю его возникновения в 36-й бригаде морских судов обеспечения передают из поколения в поколение до сих пор..

Морской танкер «Россошанск» был списан из состава Тихоокеанского флота через три года, переклассифицирован в судно-мишень и затонул, расстрелянный ракетами крейсера «Варяг» на артиллерийском полигоне близ бухты Владимир на глубине 175 метров. С достоинством, на ровном киле. Вот такая история.

СТОЯНИЕ В ДАНАНГЕ

Пробившись сквозь завесу неожиданно налетевшего тропического ливня, танкер «Владимир Колечицкий» малым ходом втянулся на мелководный внешний рейд южновьетнамского порта Дананг и встал на якорь. Промокшие до нитки матросы боцманской команды, нехорошо поминая погоду, разошлись по кубрикам. Во мраке тропической ночи сквозь струи дождя еле проглядывали стояночные огни немногочисленных судов и мутное световое пятно в стороне города.

Утром, едва развиднелось, со стороны порта показалось некое темное пятнышко, которое вахтенный матрос не смог опознать, а вахтенный помощник, присмотревшись, как-то неуверенно доложил капитану о появлении «неизвестного корытообразного плавсредства», направляющегося к судну, хотя по радио из порта и оповестили о выходе лоцманского катера.

Разбуженный капитан, в кителе и домашних тапочках, посмотрев в свой персональный 15-кратный цейсовский бинокль, зевая, покопался в справочнике и классифицировал

цель как американский речной бронекатер типа АТС, на котором вьетнамское начальство и портовые власти, видимо, решили нас навестить. Таких катеров штук с сотню досталось вьетнамцам в виде трофеев после войны. Шлепая плоским днищем по мелким волнам, трофейное чудо заморской техники, оцетинившееся пушками и пулеметными башнями, лихо пришвартовалось к парадному трапу, окатив открытые иллюминаторы танкера из своего камбуза удушливой волной запаха традиционного вьетнамского соуса «ныок мам», по слухам, приготавливаемого из квашеной рыбы. «Амбре» от соуса, надо сказать, было совершенно убойное. На борт прибыл комендант военно-морского района с портовыми чиновниками и несколькими офицерами-пограничниками, сразу прошедший в капитанскую каюту.

— Однако солярку будут просить, — уверенно сказал третий механик Петя Сворцов, стоящий рядом со мной на шкафуте правого борта (на левом дышать уже было невозможно).

Петя был парень серьезный и умный, в свое время окончивший абсолютно не морское учебное заведение — Киевский институт инженеров гражданской авиации (за что носил негласное прозвище «Чкалов»). Затем Петя экстерном сдал за курс средней мореходки и после полугода каботажа на ледоколе «Вьюга» был направлен сразу третьим механиком на танкер, идущий на боевую службу в Красное море. Сверху, из иллюминаторов капитанской каюты, доносился звон стаканов и возбужденные голоса на двух языках: «дипломатический прием» был в разгаре — законы морского гостеприимства священны и неизменны на всех широтах, а русская водка — она и в Африке водка, незаменимое средство для общения.

В это время мы с Петей заметили маленькую лодчонку, которая направлялась к нам от стоящей мили за полторы от нас полузатопленной старой деревянной баржи. В ней сидели два маленьких пацана в каких-то лохмотьях, традиционных соломенных шляпах и гребли небольшими деревянными лопатками. Когда они подошли поближе, стало заметно, что лодка очень странной круглой формы и сплетена из прутьев, чем-то обмазанных снаружи. Страшно было смотреть, как эта большая корзина качается на волнах рядом с судном и от ее краев до воды остается всего несколько сантиметров.

Пацаны показывали на рот, кричали тоненькими голосками «ням-ням». На их худеньких тельцах просвечивали ребра, а из одежды было что-то вроде набедренных повязок. И это в декабре! Разумеется, это был теплый вьетнамский декабрь, но утро было уж очень свежим.

И хотя нам почему-то строжайше было запрещено давать что-либо вьетнамцам, конечно же, мы не удержались. Подкинули пацанам несколько булок свежего хлеба и консервов. Да из кубрика мотористов через иллюминатор ребята передали несколько рубашек. Больше дать было никак нельзя, так как лодчонка, наверное, тут же сразу бы и утонула. Пацаны со слезами что-то бормотали, прикладывая руки к сердцу. Потом начали потихоньку отплывать в сторону баржи, где они, видимо, и жили.

Вдруг сверху послышалось солидное покашливание, и начальственный бас произнес:

— Эт-та что еще за безобразие! Кто позволил? Потом оба ко мне зайдете, с рапортами!

Мы подняли головы — над нами на шлюпочной палубе стоял начальник политотдела бригады капитан второго ранга Усенцов, шедший с нами пассажиром до Камрани. Приспичило ему выйти покурить, видишь ли! Не сиделось родимому в каюте! Наведя порядок, Усенцов с чувством выполненного долга, гордо неся изрядное пузо, удалился в капитанскую каюту — продолжать укреплять интернациональные связи, а мы с Петей, разозлившись, пошли по своим каютам писать рапорты.

В плавсоставе бригады танкеров береговых штабников (особенно «политрабочих») никогда слишком не жаловали: мы-то из морей иногда годами не вылезали, а эти «орлы» раз в год на недельку в море выскочат (чтобы 20% «морских» получить) и гордятся, будто подвиг какой совершили. Правда, были и среди них мужики вполне приличные, в основном из бывших корабельных офицеров, кому здоровье больше в моря не позволяло ходить.

После проводов вьетнамского начальства в каюту позвонил расстроенный помполит Леонтьич и сказал, что начальник политотдела ему устроил выволочку, что нам это с рук не сойдет и вечером у капитана будет «разбор полетов». Свой рапорт я написал быстро и пошел к Пете в каюту, посмот-

реть, что он там пишет. Всклокоченный Петя дымил сигаретой и яростно стучал на машинке уже вторую страницу рапорта. Глаза его горели, Петю что называется, «несло». Увидев меня, он только замахал руками, мол, не мешайся в творческий процесс. Ну и ладно! И я спустился в машину, ко второму механику Семенычу, который, как всегда, находился на своем штатном месте — на четыре метра ниже ватерлинии. Бородатый Семеныч полулежал в мягком кресле, вытянув на пульт длинные волосатые ноги в тапочках 48-го размера и, закрыв глаза, казалось, спал. Однако это только казалось, это Семеныч так «слушал» машину. Хотя главный двигатель сейчас не работал, но на судне было много вспомогательных двигателей, насосов и электромоторов, и во всей этой симфонии звуков тренированное ухо Семеныча чутко улавливало неправильные тона.

За спиной на переборке висел небольшой плакатик, написанный псевдославянским шрифтом с изречением, приписываемым Петру I: *«Штурмана народ хамский, до баб и зелья весьма охочий. Слова путнего не скажут, но драку завсегда учинят. Однако из-за знания зело хитрых навигацких наук на ассамблеи допущены быть могут!»*

Таким образом питомцы разных отделений Ломоносовского мореходного училища ВМФ традиционно обменивались любезностями. При этом штурманам было явно хуже, поскольку при Петре I механиков еще не было. Я ему рассказал, как мы с Петей «влетели». Старина Сэм, потомственный волгарь, проплававший на море уже тринадцать лет и повидавший всяких «залетов», только хмыкнул и, вызвав вахтенного моториста Лешу Биг Фута, с неистребимым саратовским акцентом приказал ему сбегать в кубрик и сказать, что рубашки вьетнамцам выдали по его личному распоряжению. Пусть-ка еще и его «политрабочие» попробуют зацепить!. Подумаешь, трагедия какая. Это еще, братки, не «залет»! На том и сошлись.

Биг Фут, прозванный так за то, что при росте 165 см имел 48-й размер обуви (казалось, будто он идет на лыжах), шустро спустившись по трапу, доложил о выполнении приказа.

— Добро! — традиционно ответствовал Семеныч и снова задраил веки.

После вечернего чая нас с Петей вызвали к капитану. Одев-

шись в тропическую форму с погонами, мы прибыли в каюту капитана и отдали листки с рапортами. В каюте были только капитан, помполит Леонтьич и стармех, и было уже изрядно накурено. Мой рапорт капитан бегло оглядел, на двух Петиных листках споткнулся, заулыбался, удивленно глянул на совершенно серьезного Петю, потом сложил рапорты в сейф и тяжело вздохнул.

Капитан Владимиров был человек вежливый и громких «разносов» не любил, придерживаясь ленинского мнения о том, что наказание страшно не своей жестокостью, а своей неотвратимостью. Поэтому любил долго «мариновать» нарушителей дисциплины, пока те не осознают всю глубину своего падения. На сей раз он был непривычно краток и мыслью по древу особенно не растекался.

— В общем, так, товарищи командиры! Факт нарушения инструкции налицо, начальником политотдела подтверждается, нарушителями не оспаривается. Долго разбираться не будем. Вам, Скворцов, выговор, а вам, милейший доктор, «строгач», так сказать, по совокупности деяний! Надеюсь, помните, как вы две недели назад, «послали» ночью группу офицеров с МПК во время заправки! А они, между прочим, уже успели «настучать» адмиралу! Воспитывать вас всех уже поздно, списывать некуда, так что давайте больше меня не подводить! На этом все! Теперь к делу. Ночью подойдут два бронекатера, надо заправить их соляром, тонны по три. Из судовых запасов, конечно, там у нас экономия приличная. А вьетнамцы с береговой базы просили еще перевязочного материала немного подкинуть на катера и чего-нибудь из лекарств, вы уж там сами разберитесь, доктор, чего вам не жалко. Завпроду я уже сказал, чтобы по паре мешков муки на каждый катер выделили. Так что тоже проследите. Вам говорю, Андрей Леонтьевич, вы у нас вроде как за интернациональную помощь народу Вьетнама отвечаете! Как закончим, с рассветом снимаемся на Камрань. Все! Все свободны! Старпома ко мне!

Мы дружно ответил «Есть!» и, переглянувшись, вышли из каюты, мягко говоря, слегка ошарашенными. Ну, к выговорам-то нам не привыкать: как дали, так и снимут, дело знакомое, даже, я бы сказал, привычное, а вот насчет остального... Поистине, что положено коту, то не положено котенку!

Тем не менее мы резво разбежались по местам готовить «передачу» вьетнамским морякам. Пришлось ночью немного потрудиться.

А то, что капитан вспомнил мне про историю с офицерами-противолодочниками, так еще неизвестно, чья это вина. Ночью в Японском море к нам подошли на заправку два малых противолодочных корабля — они там «гоняли» американскую подлодку. Я, разбуженный среди ночи шумом дизеля, выглянул из открытого иллюминатора каюты и был совершенно неожиданно в три голоса беззлобно «обложен» товарищами офицерами, стоявшими на мостике. Соответствующим образом достойно ответив (предложением совершить пешее эротическое путешествие по всем известному, давно проторенному маршруту), я спокойно улегся спать. А они, видите ли, обиделись!

Но мысль о том, что же такого смешного написал в рапорте Петя, меня не оставляла, и я попросил у него копию почитать. У Пети осталась только одна помятая страница, но и ее хватило, чтобы понять, почему так улыбался капитан.

Рапорт, хотя по форме и напоминал официальный документ, был выдержан в смешанном духе произведений Ильфа и Петрова и циркуляров Главного штаба ВМФ и после стандартной «шапки» начинался примерно так:

«Сего числа, я ... находясь на правом шкафуте, между 58 и 62 шпангоутами, совместно с судовым врачом проводил скрытое визуальное обследование акватории внешнего рейда порта Дананг с целью выявления внешних проявлений диверсионной деятельности в соответствии с директивой ГШ ВМФ от ... года № ... В 10.30 по судовому времени на остром направлении (курсовой угол 20, дистанция 5 кабельтовых) нами было обнаружено малое плавсредство иностранного производства, без опознавательных знаков, направляющееся непосредственно к судну с неизвестными намерениями, не подавая положенных по МППСС сигналов. Вследствие слабого знания корабельного состава иностранных флотов и при наличии отсутствия соответствующей справочной литературы плавсредство было ошибочно классифицировано нами как сверхмалая подводная лодка, находящаяся в позиционном положении. В соответствии с п.... ст.... Корабельного

устава (КУ-57) нами было проведено голосовое оповещение дежурно-вахтенной службы. Поскольку судовая тревога дежурной службой не объявлялась, нами было принято решение скрытно продолжать усиленное наблюдение.

В ходе наблюдения при сближении с плавсредством до 0,5 кабельтовых было визуально уточнено, что в нем находятся 2 несовершеннолетних гражданина СРВ, по-видимому, терпящих бедствие. Поскольку у граждан не было установлено наличия запасов продовольствия и пресной воды, необходимых для плавания (о чем они сигнализировали вьетнамскими словами «ням-ням»), нами было принято решение о снабжении вышеуказанных граждан СРВ минимально необходимым количеством продовольствия из личных запасов для перевода плавсредства на левый борт судна и последующей передачи несовершеннолетних граждан вьетнамским представителям, находившимся на бронекатере № 32.

Однако после пополнения запасов граждане от дальнейшей помощи путем активной жестикуляции отказались и, видимо, сочли необходимым самостоятельно добраться до пункта назначения, чему мы воспрепятствовать не смогли в связи с незнанием вьетнамского языка и отсутствием механических удерживающих средств.

В своих действиях мы руководствовались исключительно чувством интернациональной солидарности с народом СРВ, привитым нам на плановых судовых политзанятиях, а также основными положениями Женевской конвенции об оказании помощи терпящим бедствие на море 1949 года.

Прошу отметить, что заключительная часть наших действий происходила под наблюдением начальника политотдела капитана второго ранга Усенцова В. Г., который не отдавал прямых приказаний об их прекращении, что свидетельствует о правильности принимаемых нами решений.

При этом считаю возможным...» (Далее лист обрывался.)

Я с трудом оторвался от чтения этого шедевра бюрократического творчества. Ай да Петруччио! Не зря его острого языка помполит Леонтьич откровенно побаивается и от дискуссий старательно увиливает.

Рано утром по судовой трансляции прозвучала привычная команда: «По местам стоять, с якоря сниматься!». Главный

двигатель уже работал на малых оборотах. Заработал шпиль, загромыхали выбираемые якорь-цепи, и судно, разрезая форштевнем мутные воды залива, на малом ходу направилось к выходу из бухты Дананга. Вьетнамские бронекатера подняли на мачтах флажные сигналы «Счастливого плавания». Низкие болотистые берега бухты Дананга постепенно исчезали из вида.

Стояние закончилось. Впереди нас ждал еще почти год плавания и капитальный ремонт в Югославии, где добрая половина экипажа наполучала выговоров за слишком крепкие интернациональные связи с местным населением и традиционную славянскую солидарность в отношении спиртных напитков.

Но это уже совсем другая история.

МАНДИ

Он пришел к нам с пополнением, когда танкер после капитального ремонта в Югославии стоял под погрузкой в Севастополе, готовясь к выходу на боевую службу в Индийский океан, и был назначен четвертым помощником. Непонятное прозвище «Манди» пришло вместе с ним. Пробыв в экипаже несколько месяцев, он оставил о себе хорошую память в виде разных историй, которые, обрастая подробностями, надолго остались в судовых легендах танкера «Владимир Колечицкий».

Вообще-то его звали Виктором. После окончания Ломоносовского мореходного училища ВМФ он был направлен на Тихоокеанский флот и полгода проплавал на ледоколе «Вьюга» в каботажных рейсах. Витя был парнем высоким, худощавым и носил маленькие усики, которые делали его похожим на одного французского киноартиста. А еще он умел играть на гитаре и замечательно краснеть, что в его возрасте и профессии встречается крайне редко. Он прямо-таки наливался красной краской до самых ушей, а его лицо по интенсивности свечения напоминало кормовой пожарный ящик.

Первый раз Витя отличился на занятиях по штурманской подготовке во время изучения лоции Красного моря — нашего постоянного места службы. Он назвал Баб-эль-Мандебский пролив «Эль-Мандибабским», чем вызвал неподдельно

радостное оживление среди штурманского состава, достойно оценившего Витино ассоциативное мышление. На вопрос невозмутимого флагманского штурмана, что бы он сделал с мысом Гвардафуй, Витя, залившись краской, скромно отмолчался. Зачет ему пришлось сдавать еще два раза, за что среди острых на язык бригадных штурманов он получил прозвище «Бабель Мандебский», постепенно для удобства и краткости произношения трансформировавшееся в нейтральное и почти что английское слово Манди.

Начальство Черноморского флота загнало нас в самый конец Северной бухты — к Сухарной балке, на территорию хорошо охраняемого флотского арсенала с очень впечатляющим видом на корабельное кладбище. Танкер интенсивно загружали пресной водой, продовольствием, авиационным топливом, флотским мазутом, соляром и зенитным боезапасом для обеспечения отряда кораблей, идущих на разминирование Красного моря. Флагманом шел крейсер-вертолетоносец «Ленинград», командовал отрядом в восемнадцать вымпелов контр-адмирал с истинно черноморской «говорящей» фамилией Хронопуло. Приданный дивизион морских тральщиков в это время «разминался» у Балаклавы, отрабатывая совместное траление с тяжелыми вертолетами «Ми-14». Готовились к походу очень серьезно, как на войну, да, собственно, так и было.

Увольнения в Севастополь были сведены к минимуму, но все же нам удавалось иногда под разными служебными предлогами вырваться и душевно отдохнуть, а то и просто побродить по улицам этого по-настоящему красивого приморского города. Бывало, что и запаздывали. Севастопольцы — народ очень приветливый и гостеприимный.

Однажды вечером Манди здорово припоздал из увольнения Начальник радиостанции Володя Онощенко, стоявший вахтенным помощником, бродил по пирсу и, матерясь сквозь зубы, разрывался между служебным долгом (доложить капитану) и мужской солидарностью (не докладывать). Пассажирские катера уже не ходили, а Витя к тому же должен был заступать на вахту утром, меняя начальника.

Неожиданно во мраке осенней крымской ночи послышалось шлепанье по воде и невнятные звуки, отдаленно напо-

минающие мелодию «Варяга» вперемешку с матерщиной. Затем к пирсу приткнулось некое бесформенное плавсредство, оказавшееся приплывшим на доске полуголым и грязным Витей в тельняшке. Он был совершенно трезв, но водкой и мазутом от него несло за версту, к тому же он основательно заоченел и на все вопросы только невнятно мычал и лязгал зубами.

Мы с начальником быстро затащили его в корабельную сауну и влили немного спирта из моего личного НЗ. Отогревшийся и отмывшийся Манди поведал, что после посещения приятелей по училищу на танкере «Иван Бубнов» он опоздал на последний катер, отходивший от Графской пристани. Прихватив на последние деньги такси, он добрался до Минной гавани, откуда до стоянки танкера (по Витиным понятиям) было рукой подать. Всего лишь переплыть бухту, каких-то метров триста. Сущие пустяки для крутого моремана. Оторвав от ближайшего забора толстую доску и отпив прилично из горлышка прихваченной бутылки, Витя храбро отправился в плавание, держа курс правее Инкерманского створа и ориентируясь на якорные огни родного танкера. На полпути, слегка протрезвев, он понял, что может и не доплыть, и приготовился достойно «отдать концы», как и положено русскому моряку — с пением «Варяга». Однако парню крепко повезло — попутное течение прибило его к пирсу там где надо, а то бы дрейфовал с песнями до самого корабельного кладбища.

Утром Витя как ни в чем не бывало заступил на вахту. Мудрый капитан сделал вид, что ничего не произошло, хотя ему об этом, разумеется, было известно. По морским понятиям, подгулявший штурман сделал все возможное, чтобы в критической ситуации достойно и вовремя прибыть на службу, а такие вещи в мужском коллективе ценятся достаточно высоко. Однако капитан в наказание заставил его назубок выучить лоцию севастопольской гавани со всеми маяками, течениями и глубинами.

Вскоре отряд отправился в Красное море, где несколько месяцев совместно с английской эскадрой занимался очень серьезной работой. Моряки не спали сутками, заправляя боевые корабли водой и топливом. По всему морю разными галсами ходили тральщики и летали вертолеты с английского

авианосца «Инвисибл». Мины находили и обезвреживали. Кому-то иногда не везло — подрывались. Операция заняла два с небольшим месяца и с нашей стороны обошлась без потерь. Англичане задержались подольше. Черноморские боевые корабли вернулись в Севастополь, а мы остались в Красном море обеспечивать горючим «воздушный мост» для голодающей в очередной раз Эфиопии.

После окончания операции с Витей случалось немало всяческих историй. То он обучал танцам женское население рыбацкой деревушки на острове Сокотра (рок-н-ролл в исполнении босых женщин с кувшинами на голове смотрелся очень эффектно), то чуть не утопил спасательный бот в Ходейде, то из-за рефракции принял встречную рыбацкую шхуну за супертанкер и вызвал безмятежно дремавшего в каюте капитана в рубку. Капитан в долгу не остался и всегда при проходе Бабель-Мандебского пролива деликатно «высвистывал» Витю на мостик для решения штурманских задач с секстаном. Тот безропотно плелся на сигнальный мостик и брал пеленги по звездам и маякам. Потом ему это дело даже понравилось, и штурманские задачи он уже щелкал как орешки.

Честно говоря, пролив этот представляет собой довольно мрачное место, с берегами, усеянными останками кораблей, и никаких игривых ассоциаций абсолютно не вызывает.

Однажды при купании на Сокотре пойманный лангуст случайно ущемил клешней

Витино мужское достоинство. Достоинство немного изменило цвет и увеличилось в размерах, что весьма существенно затруднило бравому штурману передвижение по крутым корабельным трапам и негативно повлияло на красоту походки.

Благодаря болтливости радистов сей прискорбный факт стал известен всей эскадре и Манди, что называется, «наутро проснулся знаменитым». Со всех кораблей эскадры в адрес Вити дня три неслись соболезнования, полезные советы по лечению достоинства и искренние возмущения некорректным поведением лангуста. Самого лангуста, естественно, съели, а отлакированный панцирь с клешнями украсил переборку кают-компания танкера в назидание его потомкам.

Уже на пути домой, когда был пройден Индийский океан и намечался вход в Малаккский пролив, на нас налетел

«Орион»¹ с австралийскими опознавательными знаками. Назойливо гудя тремя моторами, он сначала носился над судном в разных направлениях, опасно снижаясь до уровня мачт, а потом начал сбрасывать вдоль курса радиогидроакустические буи на парашютах — видимо, решил, что под нами прячется подводная лодка. Разозленный таким поведением капитан застопорил ход, положил судно в дрейф и приказал спустить рабочий катер, чтобы подобрать несколько буюв, здраво рассудив, что, хотя существенных потерь мировому империализму это, конечно, и не нанесет, но все же трофеи в виде катушки стометрового сверхтонкого кабеля с «ушами»-гидрофонами, приемник и передатчик с химическими батареями в красивом двухметровом корпусе разведотделу эскадры уж явно не помешают.

Старшим на катере вызвался идти Витя, с ним пошли два моториста и навигатор Женя по прозвищу «Кислый Джо», названный так из-за вечно недовольного вида и привычки бурчать под нос во время работы. Пока катер собирал буи, «Орион» еле заметной точкой крутился где-то в стороне, отслеживая радиосигналы буюв, потом, почуяв неладное, врубил четвертый двигатель и со снижением помчался к катеру. Прямо над катером вдруг с дымом взревели двигатели, маленький катер исчез в фонтане воды и грохоте форсажа четырех турбовинтовых моторов, затем самолет резко взмыл вверх и, оставляя в небе черный след, исчез за горизонтом.

Для адекватности восприятия представьте себе, что вы стоите один посреди поля, а на вас с неясными целями с ревом и свистом валится громадный пассажирский «Ил-18».

Полузатопленный катер с заглушим двигателем и обалдевшим экипажем, потеряв ход, беспомощно болтался на волнах. На корме мокрый Манди грозил кулаками в сторону улетевшего «Ориона», мотористы и навигатор откачивали воду ручной помпой и пытались завести залитый водой двигатель. Минут через десять им это удалось, и катер, глубоко сидя в воде и поплеывая выхлопом, подошел к борту. Промокших до нитки парней встречали как героев. Кислый Джо цвел непривычно радостной улыбкой, отошедшие от шока моторис-

¹Локхид Р-3С «Орион» (США) — базовый противолодочный самолет.

ты наперебой делились подробностями, покрасневший Витя загадочно молчал. Трофейные буи загрузили в шифровальную каюту, один распотрошили радисты на запчасти. Вите подарили длинную антенну, которую он приспособил в каюте к своему приемнику.

В принципе сбор буюв в нашей бригаде практиковали все кто мог, но американские и японские «Орионы» на это дело никогда особенно не реагировали и только иногда, выйдя на нашу волну, ругались на плохом русском языке по радио. И летали они всегда в строгом соответствии с международными правилами. Какая вожжа попала под хвост австралийцам, осталось для истории неясным.

После прохода Сингапурского пролива капитан нас собрал в кают-компании и от имени командира оперативной эскадры объявил Вите и экипажу катера благодарность.

Затем откашлялся и дополнил, что по приходе в порт Камрань Виктор Сергеевич назначается третьим помощником на танкер «Вилим», идущий в Коломбо. Соответствующий приказ адмиралом уже подписан, на новом судне его с нетерпением ждут, а он, со своей стороны, желает уважаемому Виктору Сергеевичу успехов в службе.

В Камрани новоиспеченный Виктор Сергеич с маленьким чемоданчиком сошел с борта, неся под мышкой лакированное чучело злополучного лангуста — подарок от кают-компании. Подарок ему вручил старпом с искренним пожеланием всемерно беречь свое достоинство. Виктор улыбнулся, покраснел последний раз и твердым шагом направился к кормовому трапу «Вилима», стоявшего у соседнего пирса.

Так с нашего горизонта исчез бесшабашный юный штурманец Манди, искатель приключений и мишень для беззлых острот, зато танкер «Вилим» приобрел молодого, но уже опытного и весьма серьезного третьего штурмана Сергеича.